

евгений пронин

Историк.

Испытание на
прочность

евгений пронин

Историк. Испытание на прочность

«Автор»

2026

пронин е.

Историк. Испытание на прочность / е. пронин — «Автор», 2026

Продолжение цикла Историк. Книга вторая "Испытание на прочность".
Кандидат наук Краев из 21 века попадает в в начало 20 века. Его знания позволяют ему попытаться изменить ход истории. Не допустить кровопролития и гражданской войны. Получится у него или нет...? Он уже стал одним из руководителей молодой республики советов.

© пронин е., 2026

© Автор, 2026

евгений пронин

Историк. Испытание на прочность

Глава 1

Историк

Часть вторая. Испытание на прочность

Глава первая. Столица

Москва. 11 марта 1918 года.

Если Петроград был мозгом революции, её воспалённым, бьющимся в лихорадке центром, то Москва была её сердцем — огромным, мощным, но на тот момент словно остановившимся. Город встретил нас не как новая столица, а как встревоженный, сонный гигант, которого бесцеремонно разбудили посреди ночи гроыханием железа и топотом сапог по брусчатке.

Наш состав, украдкой прибывший на Каланчёвскую товарную станцию, был оцеплен двойным, почти сплошным кольцом латышских стрелков. Это была не почётная стража, а боевое охранение. Мы ждали удара в любой момент, от белогвардейского подполья, от анархистов, от дезертировавших солдат. Каждый звук в ночи казался выстрелом. Выгрузка архивов Смольного походила не на переезд правительства, а на эвакуацию штаба разбитой армии.

Моё подразделение, выросшее из личной охраны Ленина, стало ядром всей операции по обеспечению безопасности. Я действовал на свой страх и риск, понимая: если мы не возьмём ситуацию под контроль немедленно, хаос поглотит нас раньше, чем это сделают немцы или внутренняя контрреволюция.

Первоочередной задачей была безопасность Кремля. Это была не просто крепость, а будущий город в городе, который нужно было превратить в неприступный бункер.

— Проверить каждую бойницу! — хрипло командовал я группе бойцов. — На Никольской башне — двойной пост! Ворота держать закрытыми! Любого, кто приближается без пароля, задерживать до выяснения!

В то время как Ленин и другие члены Совнаркома с недоумением осматривали свои новые апартаменты в бывшем Сенатском дворце, тесные, неухоженные комнаты, пахнущие пылью и старой имперской бюрократией, мои люди работали на износ. Мы занимали ключевые точки по всему городу.

Мы заняли не только территорию Кремля. Наркомат по иностранным делам разместился в особняке Денежного переуллка, что вызвало у меня глухое раздражение. ВЧК обосновалась на Лубянке, заняв всё здание целиком. Мой собственный аппарат разместился в Доходном доме по соседству, это было тактически верное решение для координации действий.

К вечеру 11 марта карта центральной Москвы была испещрена нашими метками. Но это была карта уязвимостей. Слишком много зданий, слишком мало проверенных людей. Слишком много неизвестных.

Я стоял на Троицком мосту, глядя на тусклые огни за кремлёвской стеной. Грузовики с грохотом выгружали ящики с архивами Смольного у Боровицких ворот. Солдаты тащили тяжеленные сейфы и пишущие машинки через Спасскую башню. Это был не парадный въезд триумфаторов, а тайная, почти воровская оккупация самого сердца страны. И я чувствовал себя единственным человеком, который понимает, насколько шатко наше положение.

Поздно вечером я докладывал Ленину о проделанной работе. Он сидел за огромным письменным столом в своём новом кабинете в Сенатском дворце и подписывал декреты при свете одной-единственной лампы.

— Значит, мы закрепились? — спросил он, не поднимая головы от бумаг. Его голос звучал глухо и устало.

— Да, Владимир Ильич. Территория Кремля под полным контролем. Мои люди проверили все посты и установили круглосуточное дежурство. Основные наркоматы также размещены и взяты под первичную охрану.

Ленин наконец отложил перо и посмотрел на меня поверх очков. В его взгляде читалась не просто благодарность за проделанную работу, а тяжёлая оценка партнёра по большой игре.

— Хорошо... Хорошо... а что вы скажете о самом городе? Как вам Москва?

Я на секунду задумался, глядя в тёмное окно на подсвеченные тусклыми фонарями стены крепости. Я думал о том, что мы сидим в каменном мешке. Красивом, древнем, но всё равно, мешке.

— Это не Питер, Владимир Ильич. Здесь нет той интеллигентской рефлексии, нет того надлома. Это город-мужик. Упрямый и основательный. Если мы обоснуемся здесь крепко за этими стенами... нас отсюда уже не выкурит никакая сила.

Ленин усмехнулся в усы и снова взялся за перо.

— Вы правы, Александр Владимирович. В этом городе есть что-то... первобытное. Московское. Что ж, будем строить столицу здесь. А теперь идите.